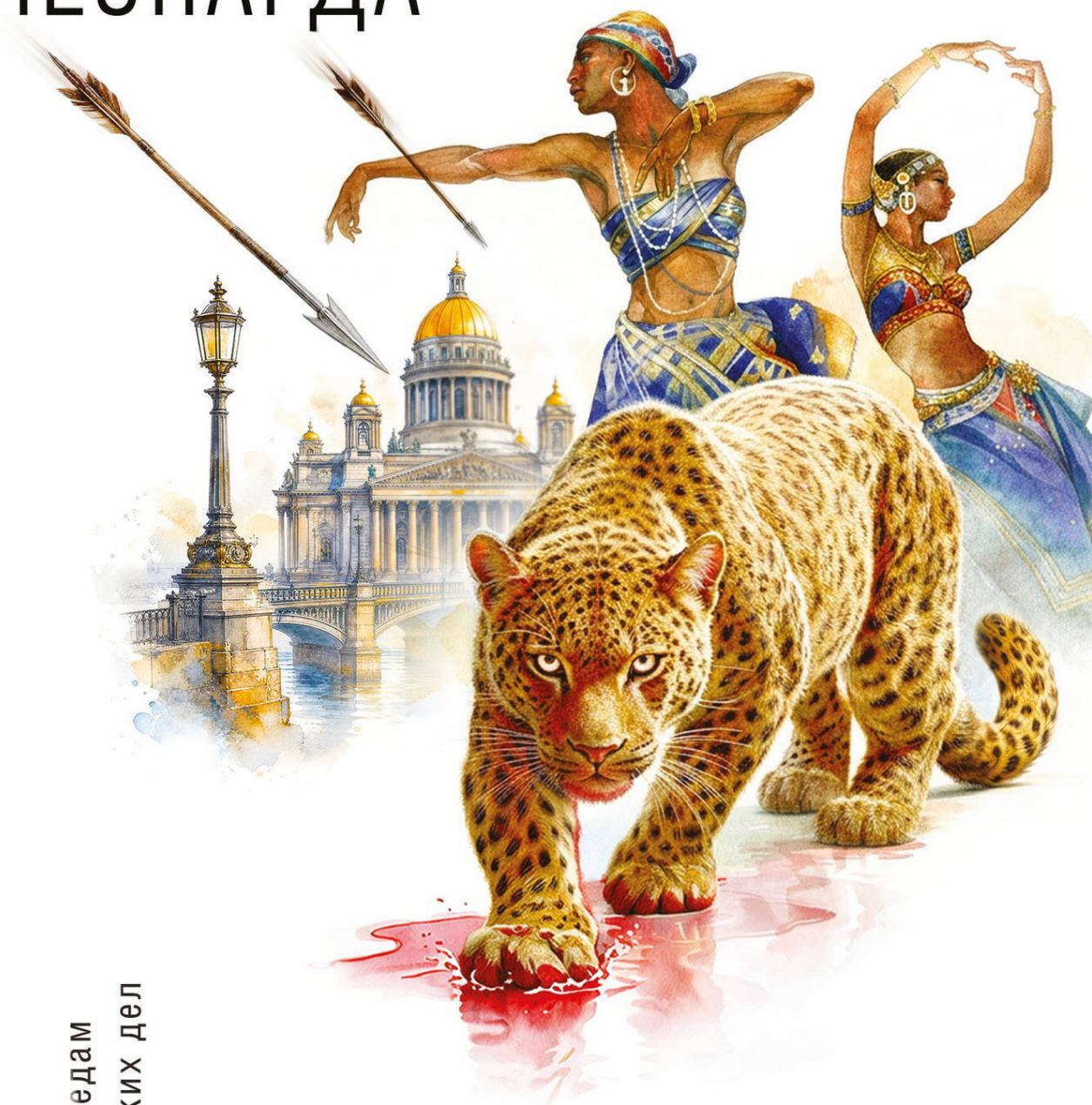

ЗНАК ЛЕОПАРДА

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

По следам громких дел. Детективы Т. Степановой

Татьяна Степанова

Знак леопарда

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Знак леопарда / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2026 — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой)

ISBN 978-5-04-248970-9

Серебряный век. В Петербурге в «Бродячей собаке» собирается богема. В Одессе шумит кафешантан, гуляют моряки, анархисты и биндюжники. А тем временем русская этнографическая экспедиция отправляется в далекую Дагомею, в Западную Африку, и сталкивается в джунглях с чем-то темным, необъяснимым, inferнальным, несущим смерть. Вернувшись из Африки путешественников начинают убивать одного за другим. За расследование жестоких преступлений берутся полицейский пристав Валентин Саблин и адвокат Александр Красовский. Они идут по кровавому следу за безжалостным монстром, стремясь разгадать его тайну. Кто же убийца? Разгневанное древнее божество африканских джунглей? Или человек-зверь, скрывающийся под его личиной?.. Татьяна Степанова — автор десятков отличных детективов и бывшая сотрудница Пресс-центра ГУМВД. Татьяна ежедневно работает с информацией о реальных преступлениях, так что ее детективные истории максимально достоверны: сказывается реальный опыт.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248970-9

© Степанова Т. Ю., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Юрьевна Степанова

Знак леопарда

© Степанова Т. Ю., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Дизайн обложки Е. Петровой

Предисловие

Есть люди, встреченные нами на жизненном пути, подобные маякам, освещающим наш путь во мраке перемен и сомнений, помогающие нам понять собственное предназначение, подаренное судьбой.

Для меня таким маяком была Ирина Михайловна Иванова.

Мой самый первый детектив «Знак леопарда» был опубликован с ее подачи и благословения.

Мне было двадцать шесть лет, и жизнь моя после окончания юридического факультета МГУ в очередной раз круто менялась: от стресса пусть и недолгой, но напряженной работы следователем у меня начались серьезные проблемы со здоровьем. После месяцев госпиталя я находилась на реабилитации в санатории МВД в Лунево. Появилось вдруг свободное время, и книга – эта самая моя первая книга – детектив вдруг буквально полилась из меня. Я писала текст романа от руки в беседке парка санатория, а Ирина Михайловна, приезжавшая меня проведать, читала уже готовые главы и говорила: «Таня, мы это обязательно напечатаем в журнале „Милиция“».

Мне потребовался год на создание этого детектива. И в двух первых номерах за январь и февраль 1994 года мой первый роман под названием «Леопард» был напечатан.

Ирина Михайловна вручила мне журналы со словами «Поздравляю тебя, Таня. Ты должна писать – всегда помни об этом».

А познакомились мы с подполковником милиции, следователем Ириной Михайловной Ивановой, в августе 1988-го, когда я после окончания юридического факультета МГУ пришла в Химкинский ОВД на должность следователя двадцатидвухлетней барышней в розовых очках – честно признаюсь – с намерением «перекантоваться» два года «на земле» для стажа и поступить в аспирантуру Института государства и права РАН, где меня ждали.

Как сейчас помню: коллега-следователь в Химкинском ОВД в первый мой рабочий день открывает дверь в кабинет. И я заглядываю растерянно – первый этаж, зарешеченное окно открыто, воробьи чирикают, августовская жара, на спинке стула милицейский китель с погонами, а на столе рядом с пишущей машинкой раскрытая книга «Лукино Висконти и его кинематограф». На мой изумленно-восторженный взгляд следователь кивает: «Да, ваш наставник Ирина Михайловна кроме работы увлекается еще и книгами, литературой, сама пишет, человек она очень умный, образованный, интеллектуалка, мы ее здесь все даже слегка побаиваемся»

Она вошла, и... меня тогда сразу поразило ее внешнее сходство с Мариной Цветаевой. А потом я поняла – сходство было глубже, затрагивало саму суть и душу подполковника милиции и следователя Ивановой.

Она учила меня азам следственной работы. Я убеждалась – насколько мудрый, опытный, требовательный профессионал передо мной и одновременно многосторонне образованный человек, культурный, обладающий искренностью и подлинной сердечной добротой и стремлением помочь...

Мы очень быстро подружились, несмотря на разницу в возрасте. Узнав, что я пишу стихи со студенческих времен, она прочитала мне свои. Ее тесная квартирка на Рязанском проспекте поразила меня обилием книг. Муж Ирины Анатолий Иванов был известнейший библиофил-коллекционер и знаток литературы Серебряного века и белоэмигрантской прозы и поэзии. Позже, в начале девяностых, он готовил к выходу самое первое в России полное пятитомное издание Саши Черного. А Ирина Михайловна помогала ему писать комментарии к стихам поэта. Она отлично знала Серебряный век. И мой первый детектив был навеян впе-

чатлениями от ее рассказов о десятых годах двадцатого века, где и она, и ее муж чувствовали себя практически «своими».

А в августе 1988-го, возвращаясь на метро из их гостеприимного дома, я везла две рукописи. Повесть-детектив самой Ирины Михайловны о реалиях ее многолетней работы следователем (она мне говорила тогда: «Никогда мою книгу не напечатают. Понимаешь, цензура не пропустит!») и рукопись-самиздат «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева. Веничка, как его звали Ивановы, был долгие годы близким другом мужа Ирины Михайловны.

Но когда я прочла обе рукописи – не знаю, какая меня больше потрясла...

Наверное, все же детектив Ирины, где очень правдиво, без прикрас, без лакировки и пафоса описывалась женщина – советский следователь и расследуемые ею уголовные дела, подозреваемые, ее коллеги... Голая, весьма неудобная для советской цензуры правда. Я-то ее знала – мои родители работали в МВД, и все их друзья – осведомленные и высокопоставленные люди... И я подумала: «Вот как надо писать настоящие вещи!»

В девяностых и нулевых, когда я уже работала в газете ГУВД Московской области «На страже», а затем в Пресс-службе ГУВД Московской области, Ирина Михайловна трудилась в министерском журнале «Милиция».

Время тогда было хорошее, историческое, великое – несмотря на «лихие девяностые» и на то, что мы все просто зашивались на работе, а преступность зашкаливала, все равно это было светлое время перемен, свободы и надежд на лучшее. Открывались невиданные горизонты и возможности, мы познавали сложный многообразный мир и ставили перед собой цели.

Нынешним силовикам, наверное, трудно даже представить, как в те далекие годы следователи с Житной ходили вместе с нами – сотрудниками редакции «На страже» и «Милиции» – в театр МГУ на поэтические вечера ордена куртуазных маньеристов и поэты ордена были еще все вместе – все живы...

И тяжело им, нынешним силовикам, поверить в открытость архивов, реальную, не мнимую свободу слова, отсутствие запретов... В то, например, как мой коллега по газете «На страже», бывший следователь ГСУ полковник милиции Эдуард Хлысталов, мог беспрепятственно получить материалы для своей документальной книги «13 уголовных дел Сергея Есенина»... Это сладкое слово «свобода»! Никто никогда не отнимет у нас воспоминаний о ней!

Я рада, что мне повезло жить в эпоху перемен и надежд. Ирина Михайловна мне говорила: «Запоминай, потом ты все опишешь, и детективы твои станут не просто историями про убийства и расследования, но зеркалом времени». Она учила меня критически оценивать реальность и пристально всматриваться в людей, не деля их на плохих и хороших, не отсекая белое от черного. Она была на сто процентов уверена, что главное в работе сотрудников правоохранительных органов не стремление всех покарать и посадить, вернув даже смертную казнь, не раболепие перед начальством и властью, но преданность Закону и то самое милосердие, внутреннее, настоящее, не фальшивое, о котором еще братья Вайнеры говорили в своей «Эре милосердия»...

С Аркадием Вайнером в шестидесятых, в «оттепель», моя мама была знакома, они вместе работали на Петровке, 38.

Мои родители и к Ирине относились словно к родному человеку – и коллеге по службе, и соратнику по взглядам на жизнь...

Она была очень мудрой.

Она многое мне дала как старший товарищ и учитель.

Она читала каждый мой роман, когда он выходил, и ее советы и оценки были полезны.

Она поддерживала меня в самые трудные периоды моей жизни...

Ее не стало в 2008 году...

Мой самый первый детектив «Знак леопарда» в новом издании я посвящаю светлой памяти Ирины Михайловны Ивановой с великой благодарностью за все!

Татьяна Степанова

* * *

Посвящается Ирине Михайловне Ивановой

Глава 1

*В высокой траве леопард оставил след и ушел.
Я любопытен, и я пошел за ним.
Он показывает клыки, точно смеется.
Он машет хвостом, точно грозит копьём.
Теперь я вижу: он разъярен.
(Из баллад народа бапенде. Западная Африка)*

Если вы, милостивый государь, мечтаете переехать из провинции в столицу, то, честное слово, сделав это, часто будете сожалеть о непоправимом. Особенно по утрам. И особенно осенью. Если к тому же вы меняете юг на север, Черное море на Балтийское, а город Одессу на Петербург, то, уверяю, в будущем вам уготованы угрызения совести, припадки патриотического помешательства и взрывы отчаянья. И особенно по утрам. И особенно осенью. Ах, какой я был осел! Какой я был круглый, первобытный идиот!

Когда вы открываете глаза, то первое, что они видят, – серый плотный туман за окном. Стекло не просыхает от мутной слезливой влаги. В комнате полусвет-полутьма, а проще сказать – столичное утро. Пора вставать.

Красовский от этой мысли только прикрывает глаза. Ни за что! С улицы доносится шум. По Литейному наперегонки катят извозчики, обдавая грязью нерасторопных прохожих. В глубине квартиры плещет вода. Степан наполняет ванну. Домашний распорядок барина расписан у него по минутам. Ванна готова, извольте вставать. Это вам, голубчик, не ленивая провинция, где можно валяться в постели до обеда, а энергичная Северная Пальмира.

После ванны Красовский решает уточнить некоторые события минувшего дня. Застегивая запонки, он с деланой небрежностью бросает:

– Степан, во сколько я вернулся?

Степан снимает с плечиков английский пиджак и подает его барину. По бритому бесстрастному лицу его угадать ничего нельзя.

– В четвертом часу, Александр Георгиевич.

– Дверь открывали вы?

– Точно так, Александр Георгиевич. Постелил, как приказано, на диване в кабинете.

Красовский мгновение колеблется, потирая рукой чисто выбритый подбородок, но все же спрашивает:

– Я был вчера один?

– С вами приезжал господин Алисов, – сообщает Степан, – и сразу же откланялся.

«Борис Алисов не бросает друзей» – всплывает в памяти Красовского сердечная фраза, сказанная вчера кем-то из приглашенных. Дай бог здоровья Бореньке и богатую невесту!

За завтраком лезут в голову самые поганые мысли. Долг яростно барабанит в дверь, услужливо запертую благодатной российской ленью. Размешивая в кофейной чашке сахар, Красовский берет со стола мятую визитную карточку и читает: «Присяжный поверенный г. Красовский А. Г., Литейный, 16, прием от 3 до 4». Карточка летит на пол. К чертовой матери! Со стен насмешливо и нагло глядят символы сладкого прошлого: фотографии действительных членов одесского велоклуба, групповой портрет друзей атлетического общества «Геркулес» и снимки одесских футболистов. Вон там пятый во втором ряду, молодой, счастливый, известный всей Одессе футбольный бек Сашенька Красовский скалит зубы в ослепительной улыбке, снисходительно взирая на нынешнего петербургского присяжного поверенного: отгулял, мол, свое.

Нет, в университете все виделось совершенно в другом свете!

Во-первых, столица. Прибывший на каникулы студент юридического факультета Петербургского университета становился дома идиолом, к стопам которого поворачивался стар и мал. «Саша очень занят,– уверяла гостей тетя Лена.– Я думаю, он сделает блестящую карьеру!» «Красовский сдает экзамены,– шептались пламенные любители футбола в пивной Брунса,– в июле приедет в Одессу. Вот наши и покажут „быкам“ в следующем матче!» «О, мистер Красовский!– широко улыбался очередной „бык“ – английский моряк с зашедшего в порт парохода.– Рад вас видеть! Встретимся в воскресенье на поле?» «Саша, я вас просто не узнала! Вы так изменились,– щебетала сахарная Ирочка Балабухина, встряхивая душистыми каштановыми кудрями,– настоящий столичный адвокат! Не забыли нас, грешных?»

Во-вторых, будущее виделось полированной шахматной доской, по которой бодро маршировала белая королевская рать успеха и всероссийской славы. Строчки знаменитого Семена Трецека в «Одесском листке» о том, что «первому футбольному беку широко известной в нашем городе команды Большого Фонтана, потрясшей одесситов своей игрой в матче с командой английского торгового парохода „Бирмингем“, Александру Красовскому был торжественно вручен диплом с отличием об окончании курса столичного университета», становились трубным гласом, возвещавшим наступление великого дня. И ДЕНЬ пришел. Заказать табличку, визитные карточки и бланки было просто и приятно. Первые посетители молодого присяжного встречались им с таким энтузиазмом, что даже не сожалели о потраченных деньгах. Столицу непрерывно терзали болезненные припадки судебной истерии. Однако на долю молодых адвокатов доставались мелкие судороги вроде взыскания у мирового по просроченному исполнительному листу 25 рублей с мещанки Колбасовой или защиты в суде плотника Чугунова, затеявшего скандал в трактире. Страстный голос, одиноко взывавший из глубин темного самодержавия к общественности, обличавший несправедливость, бесправие и беззаконие, выходил из моды. Слишком много развелось голосистых. О политических защитах и говорить не приходилось. За стрельбой по губернаторам, бомбометанием и террором зорко следили светила адвокатуры. Маститая личность типа Маклакова или князя Урусова, утомленная гонорами и собственной славой, трагическим бархатным баритоном повествовала суду о том, какое безобразие представляет собой Россия и как в ней тяжело жить простому человеку, часто прерывая свой рассказ из-за всхлипывания господ присяжных. А вот ему, Саше Красовскому, с трудом втискивавшему атлетические плечи в безукоризненную визитку, на слезы катастрофически не везло. Никто, хоть убей, за все дни начавшейся самостоятельной практики не желал рыдать из-за взыскания по просроченному векселю или из-за кражи медного самовара у караульного сторожа. Так прошел год. За ним другой. Затем третий. Цивилистика¹ приносила достаточно денег, и все же к концу третьего года Красовский возненавидел ее лютой ненавистью. Тихого крючкотвора, шелестящего страницами Гражданского уложения, из него бог не создал. Все познания ревностно изучавшейся криминалистики пропадали за ненужностью. Гимнастические гири, футбольный мяч и велосипед со спущенными шинами пылились в чулане. Петербург не позволял себе подобных причуд, а Одесса осталась где-то по правому борту. Прямо по курсу маячил ресторан «Вена», мигал разноцветными огнями русский «Фоли-Бержер» да сияла стерильной белизной мраморная лестница окружного суда.

Степан принес утренние газеты и почту. Поворошив бумажную стопку, Красовский брезгливо перебрал пакеты с казенными печатями. Долг властно заявил о своем присутствии, но Красовский плюнул ему в морду и потянулся за «Новым временем». Из газеты выпал узкий белый конверт. Адрес был начертан твердым кособоким почерком. Красовский достал письмо, прочел и присвистнул. Ну и ну! Откуда-то, наверняка прямо с Луны, в Петербург свалился Ленька-Мореход, или, в переводе с одесского-гимназического на русский-казенный, Леонид

¹ Цивилистика (юридический термин) – гражданское право.

Дезирелли. С ним Красовский бок о бок проучился семь незабываемых лет во 2-й Одесской гимназии.

Ленька, по отцу – итальянец, происходил из полусумасшедшей семьи табачных negociантов, воображавших, будто они ведут свой род от генуэзских корсаров. Папаша Леньки проводил будние дни в тесной табачной лавке в Канатном переулке, но по воскресеньям, порядком хлебнув из плетеной бутылки, занимался составлением родословного древа. Ленька сызмальства был помешан на море, кораблях, сокровищах и пиратах. Красовский вспомнил шумные игрища берегового братства, где Дезирелли выступал в роли Черного Капитана. После гимназии Дезирелли поступил в Морские Николаевские юнкерские классы, однако по окончании ушел на торговый флот. По слухам, он исполнил свою заветную мечту. Последний раз Красовский встретил его в Одессе перед сдачей выпускных экзаменов четыре года назад. Дезирелли служил старшим помощником капитана на новеньком пароходе русско-французской компании «Меркурий». Он отпустил усы, и Красовский с трудом узнал в щеголеватом загорелом офицере прежнего кудрявого Леньку. Начав с кофейни Любмана, они расстались глубокой ночью на пороге пивной Брунса, утопив в черном мюнхенском пиве множество воспоминаний детства.

«Дорогой Саша! – писал Дезирелли. – Шестого октября я приехал в Петербург и остановился в гостинице Теодориди в Малом проезде. Рад буду тебя видеть. Мне крайне нужен твой совет и твоя помощь. Буду ждать в восемь вечера у Донона. Твой Леонид Дезирелли».

В тусклом сумраке забрезжил теплый домашний огонек. Красовский вздохнул: Дезирелли объявился очень кстати.

Окончив завтрак, Красовский отправился, точно на Голгофу, в чопорное здание Судебных установлений, где до обеда провозился с кляузным делом лесоторговца Перемыкина. Избавившись наконец от прилипчивого клиента, он заехал в цветочный магазин на Невском, выбрал фиалки и попросил отослать букет на Таврическую, 22, госпоже Остроумовой. Вернувшись домой, он потратил еще два часа на беседу с караулившим его господином Веревкиным – старым маразматиком, вознамерившимся отсудить часть дома страхового общества «Россия». Когда Степан закрыл за дряхлым кретином двери, Красовский почувствовал, что на сегодня Долг наконец получил свое сполна.

– Александр Георгиевич, обедать будете дома или в клубе? – осведомился Степан, появляясь на пороге кабинета.

– Дома! – отчаянно выкрикнул Красовский, заставив Степана недовольно поморщиться.

За обедом он сообщил, что вернется поздно, наверняка с товарищем. Степану велено было приготовить вторую постель на диване в кабинете и подать туда коньяк и холодную закуску.

– Если кто придет, гони к черту!

– Осмелюсь доложить, звонили в три часа, просили передать, что Ксения Александровна ждет вас, как обычно, в семь у себя.

Красовского перекосило, точно от зубной боли. Его лицо стало таким несчастным, что Степан пожалел о сказанном. «Молодой, силой бог не обидел. Вот и покоя не дают», – почувствовал он.

– Сегодня вторник! – простонал барин. – Я, слава богу, забыл об этом. Если она снова будет звонить, скажи, что я не приходил домой и когда буду, неизвестно.

В половине восьмого Красовский вышел из дома и на извозчике поехал к Донону. Войдя в высокий красный зал ресторана, он огляделся. Народу было мало. Подозвав метра, Красовский осведомился о господине Дезирелли. Однако, к его удивлению, Ленька в ресторане еще не появлялся. Посмотрев на часы, Красовский отметил, что прибыл на встречу с королевской точностью. Сев за двухместный столик, осененный разлапистой малахитовой пальмой, он заказал белого вина и стал ждать. Прошло два часа, но Мореход так и не пришел. Красовский разозлился на мерзавца, выкидывающего такие штучки. «Небось закатился в кафешантан да

и забыл про все на свете», – яростно думал он, вспоминая фатоватые Ленкины усики. Просидев у Донона до одиннадцати, он выпил в полном одиночестве бутылку вина. К изумлению Степана, барин вернулся домой рано и сразу же лег спать. На следующий день, перевернув утреннюю почту, Красовский не нашел никаких вестей от Дезирелли. Он занялся составлением постылой кассационной жалобы, однако мысли его почему-то вертелись вокруг загулявшего прохвоста. Дезирелли в прежние годы берегового братства слыл человеком слова. К тому же в письме он просил помощи и совета, что было ему крайне несвойственно. Ленка охотнее сам играл роль советчика и покровителя. Отложив наконец бумаги, Красовский оделся и поехал в гостиницу Теодориди.

Гостиница помещалась в недавно построенном трехэтажном доме с великолепными витражами. Открыв зеркальные двери, Красовский попал в уютный вестибюль, обставленный немецкой мебелью. Гостиница Теодориди была новой и весьма респектабельной. Здесь любили останавливаться южные помещики и офицеры, приезжавшие в столицу провести отпуск. За стойкой красного дерева дежурил набриолиненный портье. Красовский осведомился, в каком номере остановился господин Дезирелли.

– В сорок шестом. Второй этаж, направо по коридору, – сообщил портье, сверившись с толстой книгой. – Видимо, господин Дезирелли дома, так как ключ от номера мне не сдан, – добавил он, вежливо улыбаясь.

Красовский поднялся на второй этаж и свернул направо по коридору, устланному пушистым ковром. Разглядев серебряные цифры 46 на одной из дубовых дверей, он громко постучал. Никто не ответил. Дернув дверь, он убедился, что она заперта. Обернувшись, он увидел шедшего с подносом коридорного.

– Скажи, любезный, барин из сорок шестого номера уже ушел?

Коридорный, ясноглазый парень маленького роста, подошел к двери.

– Нет-с. Не уходили вроде. Вчера днем велели мне вычистить туфли. Сказали, чтоб к шести были готовы. Я подходил, стучал, да они, видно, задремали, дверь мне не открыли. И горничная утром говорила, что сорок шестой не убирала, потому как жилец спит.

– Да, но я стучу, а он не открывает, – сказал Красовский. Он снова громко постучал в номер, крикнув: – Леонид, это я, Красовский! Ответь, пожалуйста!

Внутри было тихо.

– Может, и ушли! Только ключа не оставили. Опять же туфли их! Коли б ушли, я приметил бы. Он видный, высокий, загорелый. В глаза бросается среди нашей питерской публики. Дома, должно быть! – Коридорный застучал в дверь. – Ваше благородие, извольте открыть! К вам пришли!

Но Дезирелли молчал. Что-то кольнуло Красовского в сердце.

– Скажи, братец, а запасной ключ у тебя от номера есть?

Коридорный пристально посмотрел на Красовского и пошел за ключом. Через минуту он вернулся вместе с портье. Тот достал запасную связку ключей. Вставив нужный ключ в замок, он дважды повернул его и открыл дверь. То, что они увидели, Красовский запомнил на всю жизнь.

Номер был большим. Напротив двери во всю стену располагалось венецианское окно. Рядом стояли два низких плюшевых кресла и широкая кровать, прикрытая до половины шелковым покрывалом. Возле нее на ковре пестрого узора лежал Ленка-Мореход, одетый в черные брюки и белую истерзанную, залитую кровью рубашку. Большая лужа крови впиталась в ковер рядом с телом. Кровь забрызгала покрывало и часть стены, оклеенной розовыми обоями. Коридорный с криком бросился вниз звонить в полицию. Красовский, не переступая порога комнаты, удержал ринувшегося вперед портье:

– Здесь лучше ничего не трогать.

Спустя некоторое время в гостиницу приехал частный пристав вместе с двумя чинами сыскальной полиции. Приложив руку к лаковому козырьку новой фуражки, он осведомился, кто обнаружил тело. Узнав, что Красовский по образованию юрист, присяжный окружного суда и друг убитого, он разрешил ему присутствовать при осмотре. Красовский вошел в номер вместе с полицией. Дезирелли лежал на спине, сжимая в руках полустянутое с кровати покрывало.

Лицо его изменилось почти до неузнаваемости, посинело, широко раскрытые глаза вылезли из орбит. На шее виднелись темные пятна и глубокие царапины, точнее раны с рваными краями. Множество таких же ран, напоминавших кровавые борозды, было и на теле, особенно на груди и боках. Шелковая рубашка превратилась в окровавленные лохмотья. Приехавший врач осторожно перевернул тело на бок и осмотрел. Затем извлек из карманов брюк Дезирелли пачку бумаг и передал ее приставу. Тот бегло просмотрел их: два оплаченных счета гостиницы, корешок билета на поезд до Петербурга и бумажку, где кособоким почерком были написаны адрес и фамилия Красовского.

– Господин Красовский, можно вас на минуту?– позвал он.– Скажите, когда вы видели господина Дезирелли в последний раз?

– Четыре года назад в Одессе, господин пристав.

– Вы давно знакомы с ним?

– Мы вместе учились в гимназии, но затем редко встречались. Только когда бывали в Одессе наездами.

– А чем занимался господин Дезирелли?

– Он служил старшим помощником на пароходе «Меркурий» русско-французской компании, насколько я знаю. Однако эти сведения четырехлетней давности.

– А в Петербурге вы с ним не встречались?– спросил пристав, разглядывая бумагу с адресом Красовского.

– Никогда. Вчера я с утренней почтой получил его письмо. Вот оно.– Красовский передал конверт приставу. Прочтя, тот вернул его адресату.– В восемь я пришел к Донону,– продолжал Красовский,– но Леонида не встретил. Я прождал его до одиннадцати, затем вернулся домой. Сегодня утром решил приехать сюда, и вот...– Он замолчал и махнул рукой. Пристав с интересом оглядел статную фигуру молодого, одетого на английский манер адвоката, больше похожего на военного или спортсмена.

– Вас что-то тревожило и вы поехали в гостиницу, не так ли?

– Не могу сказать точно,– пожал плечами Красовский.– Леонид просил о встрече и помощи. Думаю, у него были на то серьезные основания.

Врач позвал пристава к телу. Вдвоем они продолжали осмотр, тихо переговариваясь.

– Когда, по-вашему, наступила смерть?– спросил врача один из полицейских.

– Точно сказать пока нельзя. Думаю, между пятью и девятью вечера.

– Какова причина смерти?

– Удушение. Это видно сразу. Хотя эти раны не дают мне покоя. Ума не приложу, чем они могли быть нанесены!

– Действительно,– подтвердил второй полицейский, занимавшийся осмотром комнаты.– Никаких острых предметов в номере нет.

– Такие раны нельзя причинить ни ножом, ни бритвой. Видите, какие рваные края? Тело словно рвали, выдирая куски кожи. Он потерял много крови.

– Но при таких ранениях Леонид должен был кричать!– не выдержал Красовский.– Это ж адская боль!

– Думаю, да. Хотя если его одновременно душили, то кричать он не мог, бедняга!

– По-вашему, преступников было несколько?– вмешался пристав.

Врач пожал плечами. «Все же какие необычные повреждения»,– подумал он, разглядывая кровавые борозды на загорелой груди убитого.

– Погибший – молодой, сильный мужчина,– говорил пристав, доставая документы из папки.– Подвергнувшись нападению, он, несомненно, стал бы бороться за свою жизнь. Однако следов борьбы нет?

Красовский оглядел ковер рядом с кроватью, где лежало тело Дезирелли. Весь он был залит кровью. Приподняв угол, он обнаружил под ковром перепачканный паркет. Кровь забрызгала и стену на высоте примерно аршина от пола.

– Его, видимо, повалили на пол, господин пристав,– посмотрите, вся борьба происходила здесь. Ковер сбили, а затем уже аккуратно придвинули к кровати. Другие вещи не сдвинуты, потому что находятся сравнительно далеко.

Полицейский прошел через комнату и открыл платяной шкаф. Там в аккуратном порядке лежало стопками крахмальное белье, висели костюмы и осеннее пальто. Внизу стоял пустой кожаный чемодан. На камине был найден бумажник, а в нем восемьсот рублей ассигнациями и несколько золотых червонцев, в хрустальной пепельнице покоились золотые часы и кольцо с опалом.

– Вещи на месте. Нет только ключа от номера. Видимо, убийца или убийцы унесли его с собой, запев дверь снаружи.

Вошли двое городских с носилками и запыхавшийся долговязый фотограф. У Красовского сжалось сердце, когда он заглянул в посиневшее, перекошенное лицо того, кто сутки назад просил его о встрече. Ничего от Леночки Дезирелли в чертах этого лица уже не было. Фотограф, пошептавшись с приставом, начал устанавливать громоздкий фотоаппарат, один из полицейских деловито сопел, составляя протокол осмотра. Красовский подошел к окну. Оно было крепко заперто изнутри. Серый петербургский день за стеклом дышал сыростью и туманом. Ветер срывал ржавые листья с чахлах деревьев и швырял под ноги прохожим. Малый проезд выглядел немногочисленным. Напротив располагалась кондитерская. С витрины скалил зубы в плотоядной улыбке шоколадный негр в белом колпаке, вздымавший высоко над головой пышный кремовый торт. «Требуйте только у нас мармелад фабрики Абрикосова!» – прочел Красовский приказ ядовитого рекламного плаката над входом в кондитерскую. Сердце его наполнила такая тоска, что он стиснул зубы. Вдруг вспомнилась белая, нагретая солнцем Потемкинская лестница и он сам в центре ее, осторожно съезжающий на велосипеде вниз по крутым ступенькам. На спор! Чтоб доказать этому самому Мореходу, что и он может одолеть все лестничные пролеты. Не упадет, не испугается и не уступит.

Он так и не доехал до конца лестницы, с треском и звоном грохнувшись с велосипеда. Дезирелли тогда первым помог ему встать из бесславной пыли.

Убедившись, что фотограф сделал снимки, городские уложили тело на носилки и унесли. Отвернувшись от окна, Красовский наступил на что-то твердое. Нагнувшись, он поднял подкатившийся к креслу предмет. Странная вещица! Он рассматривал маленькую изящную статуэтку черного дерева, изображавшую пантеру или леопарда, изготовившегося для прыжка. Детали были переданы очень искусно: хищное тело, прижатые уши, хлещущий по бокам хвост зверя. Фигурка умещалась на ладони, но в облике хищника чувствовалась затаенная злоба.

Подошел пристав.

– Забавная штучка!– произнес он, разглядывая фигурку.– Наверное, упала с подоконника и закатилась. Она принадлежит гостинице?

– Нет, нет. Это их, барина, вещь. С собой привезли. На камине стояла, я видел,– пояснил коридорный.

– Леопард,– произнес доктор, разглядывая вещицу,– видите пятнистый узор на шкуре? Колониальная поделка.

Фигурку занесли вместе с другими вещами в список имущества убитого. После осмотра полиция занялась опросом прислуги, но узнала немного. Дезирелли приехал в гостиницу к обеду шестого октября, по его словам, прямо с курьерского поезда Одесса – С.-Петербург.

Снял номер, заплатив за неделю вперед. Седьмого его разбудила горничная около восьми утра. Дезирелли отсутствовал примерно до полудня, затем вернулся. Просил коридорного вычистить туфли и подать их к шести часам вечера. С обеда, по мнению прислуги, он находился в номере. Когда коридорный в шесть постучал к нему, дверь не открыли. Полиция тщательно опросила троих дворников, городского, извозчиков, дежуривших у подъезда, но ничего не прояснилось. Вежливый пристав записал адрес Красовского и, пригласив его явиться в полицейский участок к двенадцати часам следующего дня, откланялся.

Выходя из гостиницы, Красовский заметил в небольшой толпе любопытных, галдевших у подъезда, несколько знакомых физиономий. Репортеры уголовной хроники, ежедневно встречаемые им в суде, уже пронюхали о случившемся и слетались, подобно стае стервятников, чуя сенсацию. Наиболее настырные – два субъекта в клетчатых пальто – пытались бочком протиснуться в вестибюль. Однако дюжий городской, подкручивая тараканьи нафабранные усы, отпихивал наглецов прочь. Красовский быстро сбежал по ступенькам и сел в первую подвернувшуюся пролетку. Через некоторое время он с удивлением обнаружил, что извозчик сердито спрашивает его о чем-то. Барин не сказал, куда ему надо! Ах, герою русского романа полагалось бы по сюжету ехать в ближайший трактир – пить горькую за упокой загубленной души! Но что делать, если вы банальный присяжный поверенный? И хотя ваше сердце рвется на части от тоски и горя, но в суде уже ждет вас дело о наследственных пошлинах, где вы представляете интересы казны. Красовский заехал за бумагами домой и поспешил в окружной суд.

Слушая какой-то бред, состоящий из мешанины нотариального права, ссылок на решения Кассационного департамента и разъяснений Правительствующего Сената, он подавал по ходу действия реплики, зачитывал документы – словом, механически подчинялся ритуалу судебного разбирательства. А Мореход смотрел на него с каждой страницы, как тогда, звездной южной ночью, ласково-грустными генуэзскими глазами.

Глава 2

Утренние петербургские газеты вышли с устрашающими заголовками на второй странице: «Трагедия в гостинице Теодориди», «Убийство в номере», «Полиция находит труп». Красовский, пробежав глазами отделы уголовной хроники в «Русском слове» и «Новом времени», скомкал газеты и уронил на пол. Репортеры злоупотребляли кровавыми метафорами, пугая с утра пораньше вялого обывателя. Некоторые писали о трагедии таким тоном, словно отлично знали убийцу, но не желали сообщать его имя господам читателям из элементарной вредности.

К двенадцати часам Красовский, бледный и расстроенный, приехал в полицейский участок, где молоденький офицер битый час задавал ему каверзные вопросы. Красовский машинально отметил, что фараон в основном интересовался, где был сам адвокат в день убийства. Узнав одесский адрес Дезирелли, полицейский наконец отпустил его.

Очувтившись на улице, Красовский бесцельно пошел вперед. В голове было пусто-пусто. Бродили обрывки каких-то мыслей, но бог знает, что это были за мысли! Через некоторое время он с удивлением обнаружил, что оказался в парке возле Адмиралтейства. Здесь было чинно и тихо. Солнышко выглянуло из-за тучи, щедро позолотив гордый шпиль с корабликом. Старые парковые липы рассеянно роняли желтую листву. Навстречу бежала по мокрой дорожке толстая розовая девочка, пытаясь догнать укатившийся мяч. Красовский остановил мячик ногой и подал его толстушке. Покраснев, та сделала книксен и, ухватив мяч пухлыми ручками, побежала дальше. «Собственно, зачем Леонид приехал в Петербург?— подумал Красовский, садясь на скамейку.— Что за дела вынудили его покинуть Одессу? Приехал, намереваясь пробыть неделю, и на второй день был задушен в собственном номере. Последний раз его видели портье и коридорный. Он собирался на встречу со мной, но уже в шесть дверь номера была заперта, а смерть, по мнению врача, наступила между пятью и девятью».

С Невы налетел ветер и погнал листву пестрым клубком по аллее. Красовский, поднявшись со скамьи, решительно направился в сторону набережной. Через полчаса он уже вылезал из пролетки у гостиницы Теодориди. Войдя в вестибюль, он, как и вчера, направился к конторке. Однако там никого не обнаружилось. Синяя униформа портье мелькнула в дверях кондитерской и скрылась в кремовом мареве. Красовский поднялся по пустой лестнице на второй этаж. Здесь также не было ни души. Он прошел мимо дверей служебной комнаты, свернул по коридору направо. Продолав путь до сорок шестого номера, направился дальше по коридору, который делал неожиданный поворот. Звук шагов скрадывала толстая ковровая дорожка. Миновав коридор, Красовский обнаружил в конце его запасную лестницу. Спустившись, он попал в помещение, смежное с гостиничной котельной. Там пытели паровые котлы. За столом в глубине котельной спиной к дверям сидели истопник и дворник и самозабвенно пили чай из пузатого тульского самовара. На Красовского они не обратили внимания. Под лестницей располагался черный ход, дверь которого запиралась изнутри на задвижку. Красовский вернулся на второй этаж. На этот раз в коридоре ему повстречался господин в котелке и английском пальто, на цепочке он волочил за собой ожиревшего мопса. На молодого человека господин едва взглянул. «И это после того, как здесь произошло убийство!» Красовский направился к служебной комнате и, постучав, открыл дверь. Коридорный, тот самый ясноглазый малый, стоял перед зеркалом. Сосредоточенно приглаживая напوماженные вихры, он сооружал на голове что-то вроде бесподобного «капуля» месье Жоржа. Услышав стук, он обернулся.

— Добрый день, любезный!— поздоровался Красовский. Франт-коридорный с достоинством кивнул.— Видишь ли, убитый господин Дезирелли был моим другом. Я бы хотел, чтобы ты ответил мне на некоторые вопросы.

– Да я уж все, ваше благородие, рассказал в полиции. Чего уж тут выдумывать!– буркнул коридорный, но Красовский показал ему целковый, и недовольство пропало.

– Итак, когда ты его видел в последний раз?

Коридорный задумался:

– В третьем часу. Они вернулись откуда-то. Потом я здесь был – звонок из сорок шестого. Прихожу. Они в халате. Возьми, говорят, туфли и почишь до блеска. К шести чтобы были готовы. Я и взял. До полпятого занят был, барин из двадцать третьего самовар затребовал, потом у барыни из пятьдесят пятого что-то с трубами случилось. Я все туда-сюда по коридору бегал. Игнатий, наш истопник, помогал. Ну, уморился до невозможности. Спустился в котельную чайку попить. А потом вычистил туфли и, как шесть пробило, понес в сорок шестой номер. Дернул дверь – заперта. Ну, думаю, барин вздремнул перед вечером. Я оставил туфли да и ушел к себе.

– Значит, с пяти до шести ты сидел в котельной, чаевничал?– уточнил Красовский, кладя целковый на стол.

– Да недолго совсем. За день так набегаешься – голова кругом. Без чая хоть помирай. Потом уж в восьмом часу смотрю – туфли все стоят. Я взял их и отнес к себе. Еще подумал, чего, мол, делать зря заставляют, коли вещь без надобности. Ну, закончил все да спать лег.– Коридорный кивнул на диван у стены.– В шесть поднялся, горничная пришла, коридор стала мести. К восьми доложила, что сорок шестой не убирала, мол, жилец спит и дверь не открывает.

– А кого из постояльцев ты вчера встречал в коридоре?– спросил Красовский, подумав, что задает глупые вопросы.

– Каких постояльцев!– махнул рукой коридорный.– У нас, господин хороший, постояльцев пока кот наплакал. А теперь и последние съедут. Десять номеров всего занято. Не сезон. А встречал почти всех. То один позвонит, то другой. То самовар, то спичек, то бумаги потребуют. Народ солидный, слова поперек не скажи! Барин из сорок шестого строгий был, да не гордый. Уходили человека!

– Кто, по-твоему, уходил?

– Да шут его знает. Это дело не наше. Значит, было за что. За миндаль да пряники за горло не хватают!– нахмурился коридорный, показывая, что лимит суммы исчерпан. Красовский вытащил еще один целковый.

– А кто живет в сорок пятом и в сорок седьмом номерах?

– Да никто. В правом крыле только два номера занято: сорок шестой да пятьдесят пятый. Я ж говорю: в пятьдесят пятом с трубами что-то случилось. Так барыня нас с истопником кликнула, а сама спустилась в зеленую гостиную. Как раз под нами. Она там часто сидит, все кружева плетет. Небось и сейчас там!

Красовский отдал ему заработанный целковый и спустился на первый этаж, решив заглянуть в зеленую гостиную. Это была просторная комната с обоями малахитового цвета, со вкусом обставленная павловской мебелью. В углу в мягком плюшевом кресле сидела пожилая дама. Закутавшись в пуховую шаль, сдвинув на нос круглые очки, она сосредоточенно плела лиловые кружева. Красовский кашлянул. Когда старушенция подняла от кружев черепашью головку, вежливо произнес:

– Какая милая комната!

– Вы совершенно правы, молодой человек,– произнесла дама, разглядывая высокого красивого господина, нарушившего ее уединение.– Только здесь можно спастись от дикого беспорядка, который процветает в этой злосчастной гостинице!

– Да, да,– закивал Красовский,– я приехал сегодня утром и уже наслышан. Какая страшная история!

– Вы имеете в виду убийство?– встрепелась дама.– О, я знала, что надо ждать чего-то в этом роде!

– Неужели?– испугался Красовский.

– Этот беспорядок должен был кончиться трагедией. Всегда начинается с мелочей: лентый коридорный ничего не хочет делать, его не дозовешься, простыни сырые, паровое отопление не работает, постояльцы постоянно шумят, роняют вещи на пол, на улице всю ночь грохочут пролетки, мигрень разламывает голову. И в конце концов все это завершается трагедией! Ничего удивительного!

– Но я не заметил, чтобы здесь было очень шумно!– улыбнулся Красовский.

– Это вам только кажется!– возмущенно парировала старушка.– Я спасаюсь от шума только здесь, в гостиной. Причем плотно прикрываю дверь. Но третьего дня и это не помогло. Мало того что они шумят за стеной, они еще шумят и наверху!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.